

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ

Нужна энергия честности

*...Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеяньи
взглянул,
Отворотился — и зевнул.
И молвил: "Всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел"*

**А.С.Пушкин.
"Евгений Онегин".**

Марк РОЗОВСКИЙ

Слово "съезд" действует по привычке пугающе — сразу слышатся доклады с отчетной цифирью, речи с враньем и подхалимажем и "бурные, долго не смолкающие", чисто съездовские аплодисменты.

Тоже театр. Кто-то на главных ролях, кто-то в массовке. Кто-то восхищается, а кто-то разочаровывается.

Но когда в такого рода театре участвуют театральные профессионалы, становится интересно вдвойне — чему, собственно, будем аплодировать?

Нет, конечно, есть чему.

Прежде всего усилиями Союза театральных деятелей по сохранению. Действительно, в эпоху всеобщих распадков, разделений и разложений люди российского театра продемонстрировали свою взаимоманитность и корневую преданность профессии. Новые театры открывались, а старые как были, так и остались. При переходе к рыночным отношениям удалось убедить государство продолжать делать подачки культуре — и оно, государство наше, хотя и скрежеща зубами, но все же занимается выплатой зарплат художникам, которым выпало счастье находиться в "бюджетной сфере".

— На спектакли зарабатывать сами! — говорят сегодня нам.

И мы, представьте, иногда зарабатываем.

— Мы вам в следующем квартале что-нибудь подбросим!

И подбрасывают. И мы это "что-нибудь" берем и умираем от благодарности.

Мы нищие, но мы гордые. Мы, конечно, попрошайничаем, но при этом хотим сохранить вид и достоинство. Мы играем. Мы научились играть и выигрывать. Великое множество добрых дел сделал лично Михаил Александрович Ульянов, которому, к примеру, Театр "У Никитских ворот" безмерно обязан за поддержку на всех этапах жизни — от рождения по сей день. В общем, как бы нам ни было плохо, нам хорошо. Почему?

Потому что нет цензуры — раз. И потому что зрительный зал сегодня вечером был полон — это два.

А что еще нужно бедному российскому актеру? Даже режиссеры стали в последнее время как-то меньше раздражать. Да и актеры стали больше творчески сотрудничать с режиссерами. О директорах не говорю — эти давно уже перестали бегать в райком по вызову, дабы получить указания, как и что должен ставить "главный". Так что Фурманов с Чапаевым опять спелись и на новом этапе. В общем, денег нет, а ставь, что хошь. А все равно приятно.

Однако в это в целом положительное, хотя и противоречивое ощущение вползает тревога: а что завтра? Как дальше будем жить и работать?

Да, союз сохранился. Но — каким?

Все производство, кажись, отдали Театральному фонду — для чего?.. Для того чтобы он помог содержать союз. Но теперь Театральный фонд как самостоятельная организация не чувствует себя обязанным союзу и, прибрав чужое, гребет под себя.

Это значит, что свои ограбили своих же. Это значит, что союз, который изначально главным содержанием своей деятельности имел благородную линию помогать бедным и страждущим театрам, завтра не в силах будет это делать совсем — уже слышны в коридорах разговоры о том, что пупки в дома творчества в следующем году будут выдаваться членам союза за полную стоимость, да и сами дома творчества уже идут с молотка, как "вишневые сады". Да только попадают они в руки не столько современным Лопухиным, сколько бывшим пакеям Яшам.

Дом актера в Москве отделен от СТД. Хорошо нам от этого или плохо?

Смею думать, хорошо. Потому что — от такого СТД.

Ибо СТД в его нынешнем состоянии уже никак не может обеспечить творческую и организационную жизнь одного из своих самых драгоценных (в былые времена) ответвлений. Неужели непонятно, что Дом актера был сердечной мышцей ВТО. Сгорел Дом актера, и на пепелище загулял ветер равнодушия и преступной халатности по отношению к сокровищам нашей культуры — не погибнувшая в пожаре фототека сейчас гибнет в каком-то братцевском подвале.

Судьба уникальной театральной библиотеки в Москве тоже

пахнет трагическим исходом. За счет ее помещений очень умные коммерсанты СТД зарабатывают деньги, вынуждены зарабатывать. Однако вряд ли этот бизнес можно считать успешным, поскольку он напоминает котла, у которого морда сытая, а лапы нечисты.

Десятки проблем, сотни, может быть, тысячи. Но наш союз всегда был крепок порядочными людьми, а порядочность — это прежде всего бескорыстие. К сожалению, сегодня эта нравственная традиция, бывающая, нарушается. Доверие, которое получают от рядовых членов СТД его чиновники, ведущие коммерческую деятельность, далеко не всегда оправдывается: союз как был без средств к существованию, таковым и остается, но сами чиновники благоденствуют, если не сказать, процветают.

Они, конечно, докажут и покажут нам на съезде, какие трудности они испытывали, когда в Рузе было нечем топить, а в Ялте и Мисхоре никто не брал в аренду голыши на пляже. И мы в очередной раз поверим им и выберем на новый срок, чтобы на следующем съезде СТД они нам опять рассказали что-то подобное.

И все-таки стоит сказать прямо: плачевные итоги коммерческой деятельности СТД имеют причиной одно из двух — или некомпетентность, или недобросовестность деятелей, ответственных за наше развитие. О да, успехи в цифрах налицо, но куда деться от непрекращающейся бедности — предвестницы голодной смерти?

Ситуация осложняется еще и тем, что в пику СТД России создается Союз русских театров, призванный от имени регионов яростно противостоять Москве и Питеру. И это было бы нестрашно, если бы там никогда не торжествовали сомнительные идеи разделения наших театров на русские и русскоязычные. Ах, не так? Значит, простите, я что-то не понял. Но пусть съезд в октябре даст разъяснения и на этот счет.

Так или иначе. Союзу театральных деятелей России предстоит жить и здравствовать. Задуманный с целью вспомоществования бедствующим актерам, сегодня он сам бедствует и вызывает о помощи. В этом союзе огромная концентрация таланта и интеллекта. Где бы взять еще немножко энергии и честности, вернее, энергии честности, чтобы наша общность не только не погибла, но с божьей милостью продолжала служить России и человеку, живущему и творящему в ней?